

Михаил Александрович Самарский Как Трисон стал полицейским, или Правила добрых дел

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524222

Самарский, Михаил Александрович. Как Трисон стал полицейским, или Правила добрых дел :

[повесть]: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80003-2

Аннотация

Поводырь Трисон осваивает новую профессию! Теперь он стал настоящей полицейской собакой. Судите сами: задержал хулигана, нашел пропавшую девочку, спас своего напарника. Отвага, решительность и ум Трисона снова пригодились людям. Правда, подопечный пса не в курсе подвигов своего четвероногого помощника и даже не представляет, что каждую ночь его верный друг выходит на опасные задания...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Михаил Самарский

Как Трисон стал полицейским, или Правила добрых дел

Сотрудникам российской полиции посвящаю!

Когда храбрость ведет, счастье ей сопутствует.

Цицерон

© Самарский М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Вы знаете, друзья, я открыл очень важный, на мой собачий взгляд, житейский закон: если плохих поступков не совершаешь, всегда найдется тот, кто тебе в трудную минуту поможет. Вот с этим убеждением и живу, и служу людям. Между прочим, именно этот закон уже не один раз выручал меня в самых сложных ситуациях. Я даже думаю: «Может, назвать его законом добра?»

Здравствуйте, мои дорогие читатели! Ав-ав!

Если вы читали мои предыдущие книги, наверняка помните, что у моего самого первого подопечного, Ивана Савельевича, был такой девиз: «Никогда не сдавайся!» Стойкий был старик. Этот его жизненный принцип меня спасает всегда – я научился никогда не паниковать, стою всегда до конца, зная, что правда на моей стороне. Я ведь честный пес и ничего противоправного никогда не делаю. Моя профессия – поводырь, и основная моя обязанность – помогать людям. Однако, несмотря на мирную профессию, приключений в моей жизни хватает.

Недавно случилась такая история, о которой не рассказать вам я не могу. Не думал не гадал, что буду работать в полиции, извините, такое мне даже во сне не могло присниться. Спасателем был, пожарным был, сторожем работал, одно время даже побирушкой пришлось подрабатывать – жизнь заставила, а вот чтобы в полиции...

Но, как обычно, рассказываю все по порядку.

Академик Василий Михайлович после моего возвращения с острова Кау-вонг¹ слег и совсем перестал выходить на улицу. Родственники, недолго думая, передали меня обратно в школу по подготовке собак-поводырей.

Если вы вдруг забыли, напомним: собака-поводырь, у кого бы она ни работала, является собственностью школы – таков порядок. Представители школы, кстати, могут в любой момент приехать к слепому человеку с проверкой – дескать, как тут наш воспитанник поживает? Дело в том, что собаку-поводыря выдают незрячему бесплатно, предварительно обучив человека всяким премудростям: как правильно обращаться с нами, как кормить, ухаживать и так далее.

Собака-поводырь – это не только средство реабилитации, это еще и большая ответственность. И это правильно – я ведь по приходе домой сам с себя не смогу снять, например, шлейку, вычесать себя, искупать, накормить. Несмотря на свой недуг, слепой человек должен все это уметь делать сам. Вот инспекторы из школы по подготовке поводырей время от времени и проверяют, как и в каких условия живет их собака. Конечно, в основном нашему брату жаловаться не приходится, многие наши подопечные относятся к своим обязанностям очень хорошо и ответственно, но, к сожалению, бывают и досадные исключения. Причем я знаю об этом не понаслышке, сам такого в жизни натерпелся, ой-ой-ой! Впрочем, обо всех моих приключениях вы можете узнать из предыдущих историй².

Словом, вскоре после возвращения в альма-матер у меня появился новый кандидат в подопечные. Такой серьезный мужчина, с суровым выражением лица, с лохматыми бровями и слегка заметным шрамом у виска. Бывший полицейский, хотя, справедливости ради, нужно сказать, полицейским он и не успел поработать, поскольку вышел на пенсию еще до всех этих переименований. Так что правильно его называть бывшим милиционером. Знакомьтесь: Елисеев Андрей Максимович – дослужился до подполковника, имеет много

¹ Повесть «Остров везения». – М.: Эксмо, 2014.

² «Радуга для друга», «Формула добра», «Фукусима, или История собачьей дружбы», «Остров везения».

наград, даже орден есть. Со слов его сына (а он сопровождал подопечного в нашу школу), отец его настоящий герой.

И вы знаете, Андрей Максимович не стал исключением среди незрячих людей. Он, как и все его собраты по недугу, любил поговорить со мной. И столько нарасказывал удивительных и захватывающих историй, что не расскажи я их вам, вы бы посчитали меня либо ленивой собакой, либо легкомысленной. С вашего позволения к рассказам подопечного прикладываю и свои.

Глава 1

Все дело в том, что сын моего подопечного, Максим Елисеев, пошел по стопам отца и работал, точнее, служил в полиции – в уголовном розыске. Именно это обстоятельство круто изменило мою жизнь, да и вообще заставило взглянуть на этот мир другими глазами.

Что, вы думаете, Макс (так называют его сослуживцы) учудил? На первый взгляд ничего особенного, и сначала мне эта идея даже понравилась. Однажды он мне говорит:

– Трисон, я смотрю, тебе, по-моему, с моим батькой скучновато?

Я, правда, ничего не ответил, в смысле даже не авкнул, только пошевелил ушами. Да и что тут ответишь? У нас не принято обсуждать своих подопечных – скучно, не скучно, работай, помогай и следи, чтобы человек не вляпался в какую-нибудь нехорошую историю.

– Не хочешь со мной на службу сходить? – продолжил Макс.

«Нашел, у кого спрашивать, я, что ли, сам могу решить этот вопрос? Спрашивай у Андрея Максимовича – он твой отец, да и званием повыше будет. Разрешит, я с удовольствием разомну свои косточки».

Откровенно говоря, я действительно тут залежался. В последнее время мне везет на загородные дома. В таком доме жили и Елисеевы. Андрей Максимович в основном гулял по двору, далеко никуда не ходил, все больше сидел во дворе на лавочке под яблоней. Однажды ему на голову свалилось яблоко. Он ойкнул от неожиданности, а потом, обозвав себя Ньютоном, начал хохотать, да так задорно, что даже я запрыгал рядом с ним от радости. А что вы думали – нам всегда передается настроение подопечных. Если человеку весело, то и нам хорошо. Видимо, наши сердца и впрямь связаны какой-то невидимой нитью. А по-другому и не получится. Профессия поводыря зиждется на вот таком единении человека и собаки.

В общем, предложение его сына мне понравилось. Тогда еще я не знал и даже не догадывался, чем все это для меня обернется. Но вот такая натура у собак, впрочем, как и у людей – вечно искать на свою голову приключений.

Слышу, как-то вечером Максим говорит Анне Михайловне:

– Мам, ты не говори отцу, я возьму на службу Трисона, нам нужна будет сегодня собака.

– Да ты что, сынок, – всплеснула женщина руками, – ты лучше спроси у папы, не дай бог узнает, ругаться ведь будет.

– Мама, – сын подошел к матери и обнял ее, – ну как он узнает? Ночью гулять пойдет, что ли? Нет. А я завтра пораньше приеду... Ну, мам!

Анна Михайловна еще немного повозражала и согласилась. Заговорщики решили сделать вид, что я словно никуда из дома и не исчезал. Знал бы я тогда, во что ввязываюсь, громко бы залаял, чтобы хоть как-то заинтересовать старика своим внезапным волнением. Но тогда я еще не понял, что меня в одно мгновение переквалифицировали в разыскную собаку, а сослуживцы даже кличку новую придумали – Оперуполномоченный, сокращенно Опер. Это так, для конспирации, чтобы случайно информация о моей ночной «подработке» не дошла до Андрея Максимовича.

А чтобы дальнейшие события предстали перед читателем более яркими и логичными, не стану нарушать нашу традицию и расскажу об истории становления в России службы разыскных собак. Мой подопечный знал об этом очень много, и, конечно, начини я пересказывать вам все подробно, пришлось бы к нашей повести прикладывать еще одну книгу, а потому не стану злоупотреблять вашим временем, расскажу вкратце.

В российском уголовном розыске первые собаки появились еще в начале XX века. Первопроходцами были две немецкие овчарки – Гекса и Ферри (бедная собака, она тогда и подумать не могла, что когда-то в России ее именем будут называть средство для мытья посуды)

родом из Германии, где, между прочим, успели отличиться – были награждены за отвагу при поимке преступников.

В России отважные собаки тоже показали свое умение и не раз помогали полицейским изобличать и задерживать преступников. В те времена еще не было кинологов, а тех, кто занимался с разыскными собаками, называли агентами-дрессировщиками. Надо же – прямо как в цирке! Идея о привлечении собак в полицию пришла по душе большим начальникам, и с 1907 года в России учреждается служба по подготовке разыскных собак в масштабе всей страны.

Нельзя забывать имена людей-энтузиастов в любом полезном деле. У истоков создания службы разыскных собак стоял сотрудник департамента полиции МВД Российской империи Лебедев Владимир Иванович. Он изучил специальную литературу, посетил собачьи питомники во Франции, Германии, Швейцарии и других странах. Владимир Иванович очень удивился, побывав в питомнике бельгийского городка Гента. Здесь полицейские собаки умели многое – они не только находили и обезвреживали преступника, но и умели, к примеру, рассеивать толпу хулиганов. Там, в Бельгии, Лебедев купил двух щенков и привез их в Санкт-Петербург.

В начале 1908 года было создано Российское общество поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе. В этом обществе полицейских обучали приемам дрессировки и воспитания собак, рассказывали, как правильно ухаживать за животными и как их содержать. Здесь же велась и практическая работа. Как выяснилось, в России опыта использования служебных собак в полицейской практике почти не было. На запрос департамента полиции в губернии с мест пришли данные о наличии нескольких собак из Киева и Калуги. Да и то, эти собаки не использовались на службе, а только проходили обучение.

В полиции отсутствовали квалифицированные специалисты, способные готовить собак к сыскной службе. Департамент полиции приобрел за границей обученных полицейских собак. Новшеством активно заинтересовалась полиция прибалтийских губерний. Там очень быстро поняли, что собаки станут помогать охранять порядок.

В Риге весьма успешно работала собака Хальт, хотя ее приобрели недрессированной и подготовили прямо при полицейском участке. Хальт за время своей службы раскрыла многие крупные кражи и не раз рисковала собственной жизнью. А в городе Липава получила известность собака Цили. Она помогала полицейским в считанные часы раскрывать сложные и запутанные преступления.

К концу 1908 года служебно-разыскные собаки работали уже во многих городах России – Санкт-Петербурге, Киеве, Риге, Ровно, Уфе и других.

В октябре в Петербурге прошло первое в России состязание полицейских собак по служебной выучке. В нем приняли участие пятьдесят собак из различных полицейских служб России и Германии. Чуть позже там же состоялась выставка служебных собак, на которой были представлены породы собак, наиболее пригодные к полицейской службе. Признанными были немецкая овчарка, доберман и эрдельтерьер. Заметили лабрадора в этом списке, нет? Однако моего оперуполномоченного Максима этот факт нисколько не смутил. Но, прежде чем продолжить наш рассказ, еще чуточку истории.

Собаки-сыщики российской полиции всего за несколько лет существования кинологической службы доказали свою работоспособность и чрезвычайную полезность. В наше время двенадцать тысяч специалистов-кинологов со служебно-разыскными собаками используются в уголовном розыске, экспертно-криминалистической и патрульно-постовой службах, вневедомственной охране, транспортной полиции. В историю российского уголовного розыска вместе с лучшими сотрудниками должны войти по праву и их незаменимые помощники, такие как Гекса и Ферри, Хальт и Цили, и многие другие.

Вот в такой компании собак однажды оказался и я. Может, и обо мне когда-то скажут: был, мол, такой пес-поводырь Трисон, который за свою жизнь успел поработать «разыскником» в полиции.

Домой мы вернулись рано утром. Не скажу, что были какие-то опасности, риски, страхи. Нет, но поспать не удалось – самый первый мой рабочий день, вернее, первая ночь, получилась насыщенной настолько, что, когда утром из спальни вышел Андрей Максимович, я еле проснулся. Чтобы меня разбудить, моему подопечному пришлось окликнуть меня два раза, что само по себе уже невероятно.

– Что с тобой, Трисон? – удивленно спросил Андрей Максимович, нащупывая меня рукой.

Признаюсь, мне так стало стыдно, что я от досады, извиняясь за такую оплошность, даже тихонько заскулил, чем еще больше напугал подопечного.

– Ты, часом, не заболел? – он прислонил ладонь к моему носу. – Нос вроде мокрый.

– Наверное, ночью плохо спал, – вмешалась супруга, – жарко.

«Да, Анна Михайловна, не то слово. Очень было жарко. Максим вряд ли расскажет вам подробности, а я и хотел бы, да не смогу. Ну и работенку ваш сынок выбрал, я всю ночь разъезжал по городу – то кто-то стекло в магазине разбил, то соседи подрались, то какая-то стрельба в микрорайоне слышна. Не работа, а какие-то фронтовые операции. Скажу честно, я не из пугливых собак, но что-то мне перехотелось в следующий раз ехать с Максимом на службу...»

Ловлю себя на мысли: как-то я неправильно рассуждаю. Что значит «ну и работенку ваш сынок выбрал»? Вечно я что-нибудь ляпну (пусть даже мысленно), а потом совесть меня начинает грызть. А кто этой «работенкой» должен заниматься? В любом случае без нее не обойтись. Верно? Сегодня ночью один из коллег Максима рассказывал, как где-то в Европе на сутки забастовали полицейские, просто разом не вышли на службу, и все. И что вы думаете? Количество краж из магазинов за одну только ночь увеличилось в несколько раз.

Нет, без полиции нельзя. Зря я так отозвался о решении Максима пойти по стопам отца. Молодец парень! Все верно сделал.

– Ну, спи, дорогой, – продолжил Андрей Максимович, – не буду тебя тревожить.

«А вот за это спасибо, час-другой вздремну и приступлю к своим поводырским обязанностям».

Кстати, пока вспомнил, еще раз порассуждаю о наименовании собак моей профессии. По-моему, мы уже как-то обсуждали этот вопрос. Но чувствую, что необходимо снова вернуться к нему. Часто звучат замечания, почему, дескать, я называю своих коллег собаками-поводырями, а не собаками-проводниками. Поясняю: несмотря на то что единственное учебное заведение в России официально называется «Школой по подготовке собак-проводников», я все же предпочитаю называть нас собаками-поводырями. Почему? Я считаю, что слово «проводник» не полностью отражает суть нашей профессии. Ну что это такое – проводник? Невольно возникает такая ассоциация: проводил до определенного места – и давай, до свидания. То есть мы не провожаем человека, мы его ведем. Всегда. Вот потому слово «поводырь» мне ближе. А слово «проводник» у меня ассоциируется с железной дорогой, с пассажирским поездом. А еще я слышал по телевизору, что проводник – это и вовсе вещество, проводящее электрический ток или приложение в операционной системе Microsoft Windows. Ну, и кому же понравится такое наименование? Нет, дорогие люди, вы бы поменяли вывеску на нашей школе. Поводырь – он и в Африке поводырь. А с этими проводниками одна неразбериха.

Глава 2

Итак, с людьми я вас познакомил, теперь настал черед познакомиться и с моими собратьями. А их тут предостаточно.

Кот Сименс – куда же без котов? Хотя Симку (так называют его домочадцы) бесполезным существом не назовешь – благодаря ему во дворе, а тем более в доме не встретишь ни единой мышки. Свои обязанности Сименс выполнял добросовестно. Самое смешное, у этого кота нет своего постоянного места для отдыха. Всякий раз он спит где придется. Странная привычка: идет-идет либо по дому, либо по двору, бах, упал и уснул. Вроде и порода благородная – сиамских он кровей, а ведет себя как уличный бродяга-хулиган. Однажды я застал его на своем коврикe. Но вот такой фамильярности я не люблю.

– Сименс, – говорю я ему строго, – давай с тобой раз и навсегда договоримся, ты никогда не будешь покушаться на мою территорию.

На что эта наглая сиамская морда, не вставая с моего спального места, лишь слегка приподняв голову, надменно говорит:

– А кто тебе сказал, что здесь твоя территория? Я на этом коврикe спал, когда тебя тут и в помине не было.

– Не знаю, где ты и на чем спал, – спокойно отвечаю я, – но сейчас этот коврик мой, и прошу тебя больше его не занимать, – а чтобы не раздувать конфликт, я добавил: – Во всяком случае, без моего разрешения. Договорились?

К моему удивлению, Сима сразу согласился, за что я стал его уважать. Ну а к чему эти глупые и бесполезные противостояния? Есть такие упрямые коты и кошки, что с ними просто невозможно общаться. Все делают назло и спорят по всяким мелочам. Иными словами, мы с Симкой быстро нашли общий язык и почти никогда не ссорились. Почему «почти»? Да потому, что однажды мы все-таки с ним подрались. Ну, не так, чтобы совсем уж как на войне, но крику было (с его стороны, конечно) предостаточно. Не знаю, кто там был прав, кто виноват, сами потом рассудите, но об этом инциденте я расскажу попозже. Сейчас я должен познакомить вас с остальными обитателями нашего дома.

На заднем дворе прямо в траве жил кролик Кузя. Его подарили соседи внучке Андрея Максимовича четырехлетней Кате, которая по выходным приезжает в гости к бабушке. У нее была книжка-раскладушка о кролике по имени Кузя. Вот так иногда и присваиваются имена. Катерина хотела увезти кролика с собой в квартиру, но взрослые отговорили ее. Скажу вам, удалось им это с большим трудом. Никакие доводы на девчонку не действовали – заладила: «Он будет жить у меня в комнате», и хоть ты тресни. Но потом Катя все же согласилась – веским аргументом стало то обстоятельство, что кролик будет один скучать и плакать, когда Катя будет в детском садике, а мама и папа – на работе.

Сначала Кузя убегал от меня и страшно боялся, несмотря на мои заверения, что я ничего не собираюсь делать ему плохого. Кролик оказался слишком уж недоверчивым. Но в конце концов и с ним мы сумели подружиться. Кузя, конечно, тип еще тот. Целыми днями что-то жует, то траву, то опавшие с дерева яблоки.

– Ты не лопнешь, – спрашиваю я у него. – Сколько же можно есть?

– Не лопну, – морщит нос Кузя и продолжает хрумкать, – от травы и яблок никто еще не лопнул! Да и сил нужно набираться!

– А зачем тебе силы? – ехидно спрашиваю я. – Землю на тебе пахать будут, что ли?

– При чем тут «землю пахать»? – хмыкнул Кузя. – Вдруг Катяка приедет, а я голодный. Как мне с ней носиться по двору? Ты думаешь, это простая работа?

А вот это аргумент весомый. Тут я не мог не согласиться с Кузей. Я и сам не понимаю, откуда у детей столько сил и энергии. Андрей Максимович однажды кому-то из гостей рас-

сказывал очень познавательную историю. Как-то один профессиональный акробат поставил эксперимент – он целый день повторял все действия и передвижения трехлетнего ребенка. К вечеру акробат так устал, что был вынужден прекратить свои исследования, а ребенок после этого еще некоторое время играл и веселился. Так что Кузе и впрямь нужно быть наготове. В любой момент могут призвать на работу к Екатерине Маленькой – так иногда называл ее дед.

– Деда, – спрашивала Катя Андрея Максимовича, – почему ты называешь меня Екатерина Маленькая? А когда я вырасту, ты будешь называть меня Екатериной Большой?

Внучка в свои четыре года могла своими вопросами поставить в тупик любого взрослого. Вы еще убедитесь, какой острый у нее язычок.

– Тут дело не в росте, – пояснял дед. – Понимаешь, была когда-то у нас в стране такая царица Екатерина Великая. Ну, она Великая, а тебя я называю пока Маленькой.

– Ясно, – кивнула Катя и побежала докладывать маме.

Дед слышал, как та объясняла матери:

– Мама, мама! – девочка радостно хлопала в ладоши. – Дедушка сказал, когда я вырасту, я буду великой царицей.

– У нас давно нет ни цариц, ни царей, ни царевичей, – рассмеялась мама.

– Как это нет? – развела девочка руками. – А я? Я же есть!

– Ну, хорошо, – согласилась мама, видимо, зная, что просто так разговор не свернуть, – вырастешь, тогда и решим.

– А чего тут решать? Дедушка уже решил!

Вот такая у нас была маленькая царевна.

Катерина ни минуты не давала Кузе покоя, они вместе носились по всему двору, девочка весело хохотала, брала его на руки, громко целовала в нос, гладила уши, рассказывала ему сказки, затем снова бегала за ним, потом они валялись в траве, после чего Катя приходила в дом зеленая, словно русалка. После ее отъезда Кузя даже забывал щипать траву – падал в тень и отсыпался.

Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что, когда приезжала маленькая Катя, она становилась в доме Елисеевых центром Вселенной. Даже Сименс уходил в какой-нибудь дальний угол и оттуда наблюдал за всеми передвижениями маленького человечка.

Кстати, благодаря Катерине у меня здесь появилось еще одно имя. Я уж думал, что больше невозможно ничего нового придумать. Но как я заблуждался. Катя назвала меня (внимание!) – Трыся. Ну, вот скажите, разве могло кому-нибудь прийти в голову такое прозвище? И ведь назвала не потому, что она хотела мне как-то досадить. А просто ей сложно было произнести слово «Триша». Ну а людям только это и нужно. Тут же подхватили и давай все (кроме Андрея Максимовича) называть меня Трысей. Первое время у меня даже изжога разыгралась. Вроде и привык к разным интерпретациям своего имени, но все равно чувствовал себя неловко. Все-таки, согласитесь, Трыся – это уже за гранью. Так и до крыски какой-нибудь недалеко.

Но была и отдушина, поскольку Трысей меня называли только в присутствии Кати, а без нее редко кто вспоминал мое новое прозвище. В самом деле, не обижаться же мне на ребенка. Смирился я и перестал обращать внимание. Правда, понемногу «мстил» людям: если меня звали, используя новое прозвище, я не торопился выполнять команду – притворялся спящим или делал вид, что не расслышал. И вы знаете, срабатывало: второй или третий раз меня уже окликали нормальным, моим родным именем. Вот тут я сразу же бежал на зов и радостно авкал. В тот день меня уже Трысей никто не называл. А что вы думали, вам, людям, только дрессировать собак. Мы тоже способные и кое-что умеем. У собак тоже есть свои хитрости.

Что самое удивительное в этой истории, и у людей случаются казусы с необычными прозвищами. Андрей Максимович, видимо догадавшись о моих мыслях по поводу злосчастного Трыси (вот что значит ветеран МВД – он, даже будучи слепым человеком, проявил невероятную дальновзоркость), как-то в саду рассказал мне интересную историю.

– Трисон, – говорит он мне, – ты на них не обижайся, они не со зла коверкают твое имя. У людей это обычное дело. Катька ляпнула по-детски и понеслось. Ты знаешь, сколько по свету ходит людей с необычными прозвищами из-за своих младших братьев и сестер. Они ведь, пока маленькие, не могут полностью слова выговаривать, вот и приклеиваются смешные имена. У меня в армии друг был, мы все его звали Зега. Какое, думаешь, было его настоящее имя?

– У-у! – отвечаю я, в смысле не знаю.

Андрей Максимович потрепал меня за шею и говорит:

– Все просто! Серега он. А Зегой он стал из-за младшего брата, который, пока был маленьким, бегал за старшими пацанами и все звал брата: «Зега! Зега!» Вот так бывает. А на работе у нас была женщина, майор, между прочим, так вот друзья называли ее Масей. Представляешь? Ей уже под сорок лет, а они ей все Маса да Маса. А почему? Да та же история, сестра младшая наградила прозвищем на всю жизнь – была Машей, стала Масей. Так что ты, Трисон, не обращай внимания на такие мелочи. Здесь нет никакого умысла и тем более пренебрежения. Понял?

– Ав! – отвечаю, а сам думаю: «Какие могут быть обиды, дорогой Андрей Максимович? Я уж за свою жизнь такого наслушался, что... Эх, да что тут говорить! Все хорошо, мне главное, чтобы ты моей работой был доволен, чтобы я не подвел тебя, а все остальное – мелочи жизни!»

Я уткнулся носом в колени своего подопечного и тихонько еще раз авкнул.

– Молодчина, Трисон, хороший ты пес! И как это я раньше без тебя жил, понять не могу. Ладно, иди погуляй, побегай, или хочешь, поспи.

«Спасибо, Андрей Максимович. Пожалуй, воспользуюсь я последним советом...»

Да, была тут еще одна обитательница, навещала она нас часто (за редким исключением, ежедневно), но никогда не оставалась ночевать. Видимо, у нее где-то было оборудовано место под ночлег. Сорока-воровка. Не я придумал ей такую кличку. Так называли ее все наши домочадцы. Я сначала недоумевал: почему ее называют таким обидным именем, все думал-гадал, что же она украла. Но потом однажды я услышал, как Андрей Максимович рассказывал мальчишке лет шести, пришедшему с родителями в гости к Елисеевым и который тоже очень удивлялся, почему сороку называли воровкой. Старик пояснил:

– Нет-нет, – старик погладил мальчика по голове, – она ни в чем не провинилась. Наоборот, очень полезная птица. Она уже лет десять, если не больше, живет у нас во дворе. Спасает нашу яблоню от гусениц и различных жучков. Иногда даже нашему Сименсу помогает...

– Как? – мальчик от удивления раскрыл рот и предположил: – Мышей, что ли, ловит?

– Так точно! – улыбнулся Андрей Максимович. – Я сам лично видел, как она однажды мышь со двора уволокла. А воровкой называют ее в шутку. Есть такая сказка о сороке-воровке. Вот люди и стали так называть всех сорок...

Мальчик на первый взгляд внимательно слушал старика, но спустя несколько минут стало ясно, что объяснение он пропустил мимо ушей. Вдруг, прикрыв ладонью рот, тихо спросил:

– Дедушка Андрей, а как же вы сами-то увидели? Вы же слепой! Мама говорит, что вы совсем ничего не видите.

Старик рассмеялся, как мне показалось, несколько наигранно, тяжело вздохнул и ответил:

– Я же не всю жизнь слепым был, когда-то был таким же зорким, как и ты. А потом постарел, заболел...

– А вы к врачу ходили? – спросил мальчик.

– Ходил, конечно, но, увы, врач уже мне не поможет...

Хорошо, мальчика окликнула мама, и он убежал, а то точно довел бы старика своими вопросами до слез. Хотя Андрей Максимович никогда не унывал, и даже сам подшучивал над своим недугом. Так и говорил: «А что теперь нюни распускать! Ну, ослеп, и что? Не умер, и ладно! Помощники есть: сын Максим, дочка Розка. Проживем...» Розу он почему-то всегда называл Розкой – это мама непоседы Кати. После замужества она стала Розой Вильдановой. Наша Анна Михайловна корила старика за фамильярность:

– Андрей, – хмурилась она, – ну, что ты все «Розка» да «Розка», выросла твоя Розка, сама уже матерью стала, а ты...

– А я что? – смеется Андрей Максимович. – Для меня она всегда останется Розкой. Ты, мать, не ворчи, я с ней на эту тему разговаривал, она не обижается.

– Ну, правильно, – усмехнулась супруга, – чего она будет с отцом спорить, но ты же сам должен понимать!

– Ань, – махнул рукой Андрей Максимович, – да брось ты. Тоже мне, нашла проблему. Ладно, попробую исправиться, – пообещал старик.

Сразу скажу, выполнить обещание у него так и не получилось. Раза два назвал дочь Розой, даже Розочкой, а потом опять за свое. Дочь, правда, почувствовала в этой «Розе-Розочке» то ли прохладу, то ли какую-то неискренность, обняла отца, поцеловала его и ласково сказала:

– Пап, да не заставляй ты себя. Называй меня, как в детстве, Розкой, мне это даже приятно.

– Ты это матери скажи, – рассмеялся отец, – а то она меня шибко ругает за фамильярность.

– Скажу, папуля, – заверила дочь. – Обязательно скажу.

Словом, так Роза и осталась в устах Андрея Максимовича Розкой.

Ну вот, начал знакомить вас с дворовыми обитателями, а перешел опять на людей. Хотя наши жизни, истории, судьбы так тесно переплетены, что рассказывать об одних, не упоминая других, просто невозможно.

Самая печальная история о старушке Пальме – небольшого роста беспородной собаке, всю свою жизнь прожившей на цепи. Конура ее, или, как здесь принято называть, будка, находилась рядом с калиткой. Это сделано было нарочно, чтобы во двор не зашел случайный человек. Если к калитке кто-то подходил со стороны улицы, Пальма громко лаяла, а если дверь приоткрывалась, то бедная собака, натянув цепь, переходила на хрип и рычание. Вот такая была работа у моей соплеменницы. Признаюсь честно, мне было ее очень жаль. Мы часто по вечерам беседовали с ней. Хорошо помню наш с ней самый первый разговор:

– Пальма, – спросил я тогда, – скажи честно, хочется на свободу?

– Ты имеешь в виду за забор? – спросила Пальма.

– Ну да, – авкнул я и кивнул.

– А что там делать? – фыркнула Пальма. – Я однажды по молодости сбежала на улицу.

Старик как-то зимой отпустил меня побегать по двору, а не учел, что у забора огромные сугробы. Ну, я взобралась на горку и сиганула через забор.

– И что потом? – удивился я.

– А что потом? – отвечает Пальма. – Три дня бродила, чуть с голоду не сдохла. Снегом питалась да в помойках рылась.

– А потом вернулась?

– Как тут вернешься? Заблудилась я. Сначала бежала куда-то сломя голову, смотрела по сторонам, все было в диковинку, интересно, а потом раз... и не знаю, куда дальше. Машины летят, сигналият, я чуть под колеса не попала, кручу головой по сторонам, а где дом, не пойму...

– И как же домой попала? – удивленно спросил я.

– Максим меня нашел, – довольно твякнула Пальма. – Он даже объявления по всему поселку расклеил. Кто-то позвонил ему и сказал, что видел меня там-то и там. Ну, он на машину и туда. Я его увидела, испугалась, думала, сейчас как врежет мне по башке. Стою, голову опустила, жду наказания. А он подбежал ко мне. Схватил на руки, давай целовать меня, словно Розу, сестру свою. Целует и приговаривает: «Пальмушка, миленькая, да зачем же ты сбежала, ну что ты тут нашла хорошего? Поехали домой, накормлю тебя, напою. Посмотри, как исхудала...»

А я думаю: «Поехали-поехали, я уж и сама сто раз пожалела, что перепрыгнула этот чертов забор!» Приехали домой, они давай все меня гладить, накормили теплым супчиком, целую гору косточек насобирали для меня за три дня, то есть люди верили, что я вернусь к ним. Верили! Понимаешь?

– Понимаю, – одобрительно кивнул я и вспомнил, как сам бегал по трамвайным путям и искал свой дом³.

Только меня украли, а тут собака сама убежала. Но все равно, люди простили, не обиделись, из дома не выгнали.

– И с тех пор, – продолжала Пальма, – я решила, что больше со двора ни ногой. От добра добра не ищут, как говорит наш Максим Андреевич.

– Это понятно, – согласился я, – но плохо, что тебя держат на цепи.

– А что поделаешь! Я уже привыкла, – сказала Пальма, однако, как мне показалось, в ее глазах мелькнула грустинка. – Это моя работа. Да и хозяева меня частенько отпускают побегать по двору. Так что все нормально.

Вот я и познакомил вас со всеми. Настала пора рассказать о моей службе в полиции. Ох и досталось мне там. Но не стану забегать вперед.

³ Повесть «Радуга для друга». – М.: Эксмо, 2014.

Глава 3

В следующий раз Максим взял меня с собой на службу аж через неделю. Почти полдежурства я проспал в кабинете. Коллеги Максима даже стали подшучивать, мол, это из-за меня у них такая спокойная ночь. А я и рад, пусть так считают. Чего ж в этом плохого? Но не все собаке косточка. Не удалось мне побыть талисманом мира и спокойствия до конца смены.

Слышу сквозь сон шум-гам, треск рации, я не сразу и сообразил, что случилось. И лишь когда услышал знакомый голос Макса, вскочил и замер в ожидании команды. Долго ждать не пришлось, в кабинет вбежал мой «начальник» и приказал:

– Трисон, на выезд! Давай в машину!

Меня уговаривать не надо, уже через несколько секунд я устраивался на заднем сиденье рядом с ребятами. Из их разговора я понял, что преступник находится еще на месте и даже не подозревает, что на его поимку уже выехала группа полицейских. То ли бдительный сосед позвонил, то ли прохожий, но сообщили, что злоумышленник вооружен охотничьим ружьем, – словом, мчимся как на войну.

Лежу и думаю: «Какое нужно иметь мужество, чтобы каждый день подвергать себя смертельной опасности! Вот куда мы сейчас летим? Там вооруженный человек, что ему взбредет в голову? Подъедем, а он откуда-нибудь из-за угла откроет пальбу, вот тебе и беда. Не представляю, как все это переживает Анна Михайловна, мать Максима. Впрочем, дома я ни разу не слышал от Макса никаких страшных историй. Все-то каких-то мелких воришек ловят, то хулиганов, то разбушевавшихся пьяниц – иными словами, послушаешь, так парень едва ли не развлекаться на дежурство ездит. Но ведь отец знает, чем его сын занимается. Знает и молчит! Берегут они свою маму... Хотя, думаю, и мама все знает, просто в семье милиционеров или, как теперь принято говорить, полицейских не принято рассуждать о рискованной работе. Вон приятель Макса говорит, что чем больше говоришь о проблемах, тем они чаще к тебе приходят. А ведь золотые слова. Точнее и не скажешь...»

– Так, приехали! – раздался голос командира. – Заходим вон с того угла здания. Макс, вы с собакой стойте вон там, за деревом, которое у подъезда. На месте ориентируешься сам, как поступить. Мы добрались до дерева и замерли. В подъезде кто-то кричал и чертыхался. Разобрать, правда, что-то было трудно.

Через некоторое время все стихло, мы стоим не шевелясь, и вдруг прямо рядом с нами появился напарник Макса.

– Ушел негодяй, – досадливо произнес полицейский. – Там, оказывается, из подъезда есть запасный выход. Сорвал замок и сбежал.

– Выходит, он нас заметил? – спросил Максим.

– Выходит, так, – пожал плечами напарник, – а может, просто просветление наступило, да одумался.

– Слушай, так чего же мы стоим? – вскрикнул Максим. – Ну-ка, Трисон, след! Ищи! Ищи!

«Юморист ты, Макс, – мысленно усмехнулся я. – Легко тебе сказать «ищи». Так дайте мне хоть что-нибудь понюхать. Как же я буду искать? Пойдем в подъезд, я посмотрю, что там ваш забияка натворил, может, какой запах уловлю. Кто-то из присутствующих сказал, что хулиган был под хмельком. Ну, такого человека не только я учую за три версты...»

Уловив запах пьяного дебошира, я выскочил на улицу с противоположной стороны дома. Мешал порывистый ветер, но я чувствовал, что хулиган где-то рядом. Этот запах трудно с чем-то спутать. Все пьяные хулиганы пахнут одинаково. Осторожно и медленно ступая, я двинулся по периметру здания, заодно поглядывая на балконы и подоконники пер-

вого этажа. Дойдя до конца дома, я вдруг почувствовал, что запах стал совсем слабым и как бы доносился пунктиром, если так можно выразиться. Пришлось возвращаться к подъезду, где хулиган сломал замок. Запах становился все насыщеннее.

«Ага, значит, разгулявшийся дядя где-то неподалеку. Стоп, Трисон, не торопись. Смотри внимательнее, прислушивайся тщательнее. Вот же снова запах усилился! Что ж это такое? Где же хулиган?»

И вдруг я уловил странный и едва слышный звук. Присмотрелся! Так вот же он! Рядом с соседним домом тихонько лязгнула крышка канализационного люка. Я бросился к ней, хулигану не хватило буквально мгновения, чтобы плотно закрыть крышку. Он держал ее двумя руками и пытался совместить выступы на крышке с выемками на люке. Я подбежал и, громко рывкнув, сунул лапу внутрь. Зря это, конечно, сделал, но, видимо, по неопытности. Дебошир то ли нарочно, то ли от страха (думаю, что скорее второе) бросил крышку и исчез в глубине колодца. Дикая боль пронзила все мое тело, я сначала думал, что мне оторвало лапу. Мысленно уже представил себя с костылем, ковыляющим впереди своего подопечного, и заскулил. Хорошо, ребята-полицейские подросли, откинули крышку. Боль не утихла, но успокоило то, что лапа на месте. И слава богу!

Полицейские фонариком осветили пьяницу и предложили ему добровольно сдаться. Тот, уже, видимо, поняв, что от возмездия ему не уйти, жалобно запричитал:

– Пацаны, я-то вылезу! Только пообещайте, что бить не станете.

– Да сдался ты нам, чтобы за тебя еще статью заработать. Давай вылезай оттуда, «танкист»!

Все вокруг рассмеялись, а Максим удивленно спросил у напарника:

– Ты чего его так назвал? Какой он танкист?

– Я родом из Магадана. У нас так бомжей называют, которые живут в колодцах. Поутру крышку люка поднимают и оценивают обстановку. Уж очень похожи на танкистов...

– Смотри при начальнике Малейковиче не скажи. А то обидится! – предупредил Максим.

– Не думаю, – рассмеялся полицейский, – Владимир Евгеньевич мужик с юмором. Да и мы же не говорим, что танкисты похожи на бомжей. А наоборот.

Вдруг второй напарник Макса присвистнул:

– Так это же наш старый знакомый! Дима, ты, что ли?

– Кто такой? – заглядывая в колодец, спросил Макс.

– Помнишь, месяца три назад жена вызывала полицию, а потом плакала и защищала муженька?

– Помню-помню, – закивал Максим.

– Ну, так вот он и есть! Фамилия у него еще интересная, двойная. Пасечник-Рябов, то ли Рябов-Пасечник...

– Сам ты Рябов, – пробурчал deboшир, кряхтя и неохотно выныривая из колодца. – Дмитрий Рубин-Пасечник я. Ясно? Эту фамилию носили мои прадеды... А ты «Рябов»!

– Ну извини, брат, вас, всех хулиганов, не упомянул, – рассмеялся полицейский и защелкнул наручники на руках задержанного. – Поехали, дорогой, в отделе ничего не перепутают. Там и Пасечника вспомнят, и Рубина, и супругу твою, и соседей. У нас память хорошая, цепкая.

– Кто бы сомневался, – недовольно бубнил задержанный и, кивнув в мою сторону, спросил: – А это что за волкодав тут у вас объявился? Унюхал, собака! Ух, животное!

– Иди-иди! – Максим толкнул в спину мужчину. – Молись богу, чтобы ничего серьезного у Трисона с лапой не было!

– Я, что ли, виноват? – плаксиво запричитал хулиган. – Зачем же он лапу сунул под крышку, да еще в морду мне так рывкнул, что я сам чуть вниз не свалился. Чокнутая собака.

«Ну вот, как всегда, я еще и виноват! Сам тут бегаешь, пугаешь народ, кричишь на весь микрорайон. А виноват кто? Трисон, конечно...»

– Дима, а где ружье? – спросил один из полицейских.

– Да ты что, начальник! – выпятил губу задержанный. – Какое ружье? Ты о чем?

– Очевидцы показывают, что ты был с ружьем, – ответил полицейский.

– Да врут они все, «очевидцы» твои! – возмущенно произнес Дмитрий Пасечник.

– А если найдем? – спросил Максим.

– Да вам дай волю, вы и пулемет Дегтярева найдете. Но я-то тут при чем? – Дмитрий так стукнул себя скованными наручниками руками по груди, что аж закашлялся.

– Ну-ну, полегче, – усмехнулся полицейский, – переломает себе ребра, а нам потом отвечай.

– Так от наветов ваших зло берет! – наигранно плаксиво запричитал хулиган.

– Ты нам тут дурака не валяй, лучше сам признайся, – посоветовал Максим.

Ребятам нужно было провести какую-то еще работу. Задержанного посадили в машину, меня рядом с ним. Максим приказал охранять Пасечника. Через минуту Дмитрий, заглядывая мне в глаза, ехидно спросил у меня:

– Ну что, Трюфель (или как там тебя зовут), доволен?

«Вы заметили, человеческой фантазии нет предела. Я уж думал, Трыся – это последняя интерпретация. Так нет же. Вы слышали? Пчеловод-филолог что отмочил? Трюфелем обозвал и сидит нагло улыбается».

– У-у! – ответил я. – В смысле, чем я могу быть доволен? Лапа болит, а ты вдобавок еще и обзываешься.

– Ты какой породы будешь? Лабрадор, что ли? – усмехнулся мужчина. – С каких это пор лабрадоры в полиции стали служить?

– Ав! – отвечаю. – Что в данной ситуации означало: где прикажут, там и служим. Не мы, собаки, работу себе не выбираем.

– Что ты гавкаешь? – возмущенно спросил Пасечник. – Ты хоть понимаешь, что, если бы не ты, эти твои оболтусы не нашли бы меня. А теперь что? Вот что теперь мне делать? Ведь посадят в тюрьму. Тебе от этого легче будет?

«Какой странный человек! – мысленно рассуждал я. – Значит, когда он тут полмикрорайона перепугал, это нормально. А как его схватили, так сидит и возмущается. Забыл, что ли, ведь тут и дети живут! С таким соседом можно и зайкой остаться. Зачем же ты хулиганил, кричал, угрожал? Конечно, мне станет легче! Я, можно сказать, задержал дебошира, который, если не остановишь, в следующий раз еще больше бы бед натворил. Так кто же тебе виноват, Дима-пчеловод?»

– Ну? Чего задумался? Стыдно небось? – продолжал язвить задержанный.

– У-у-у! – протяжно произнес я. – Чего мне, мол, стыдиться? Это ты теперь стыдишься и объясняй своим друзьям и знакомым, почему попал в кутузку. Посидишь, подумаешь, поразмыслишь, смотришь, в следующий раз будешь сдержаннее и спокойнее. Не нужно людей пугать.

В этот момент отворилась дверца автомобиля, и Максим, сунув прямо под нос Пасечнику ружье, спросил:

– А это что?

– А я почему знаю? – сквозь зубы ответил мужчина. – Впервые вижу. Это не мое, начальник. Честное слово...

– Ты бы хоть «честными словами» тут не разбрасывался, – сказал Максим. – Ладно, проверим на «пальчики»⁴. Не хочешь правду говорить, не говори. Сами докажем. Но потом не обижайся.

Задержанный весь сжался, опустил голову и, как мне показалось, заскулил прямо по-собачьи. Через некоторое время я увидел, как по его лицу потекли слезы.

«Раскаивается, наверное, мужик, – подумал я, – натворил дел, а теперь вот сидит и как ребенок плачет. Спрашивается, ну зачем ты хулиганил? Зачем кричал, как дикий вепрь на людей? Конечно, теперь обидно, больно, страшно. Но винить некого, сам виноват. Люди иногда так беспечно распоряжаются своей репутацией, свободой, здоровьем, в конце концов. Не понимаю, почему так? Если бы я был человеком, я был бы добрым и внимательным ко всем, отзывчивым и веселым... Впрочем, откуда я знаю, как бы я жил. Для того чтобы это понять, нужно сначала побыть человеком. Может, и не удержался бы – начал бы тоже ругаться, хулиганить. Хотя нет! Сколько вон людей живет и не думает ни хамить, ни ссориться, ни дебоширить. У людей, как и у собак, – все от воспитания зависит. У нас ведь тоже агрессивных собак полно. Помните, я рассказывал о стаффорде? Еще то чудо-юдо, ему все равно, с кем драться. Может даже на крошечную собаку или котенка напасть. Кто-то же приучил его к агрессии. Наверное, так и у людей. Тоже своих американских стаффордов хватает...»

Вскоре мы вернулись в отдел, хулигана отправили в камеру для задержанных, а меня Максим повез к знакомому ветеринару. К счастью, все обошлось, перелома не было, правда, прихрамывал я еще несколько дней. Как я ни старался скрыть свой недуг, Андрей Максимович, хотя и слепой, все же через шлейку уловил мою хромоту. Списали на то, что я где-то проколол лапу. Анна Михайловна сделала вид, что чем-то помазала мне ранку, а сыну строго-настрого запретила брать меня на службу. Впрочем, запрет действовал недолго.

⁴ Снятие отпечатков пальцев.

Глава 4

Я уже говорил, что приезд внучки Кати к Елисеевым – это событие, равное по значимости если не Олимпийским играм, то где-то рядом. В этот раз Екатерина озадачила всех настолько, что и хозяева дома, и гости даже не знали, как правильно поступить. Роза Андреевна настаивала на наказании и хотела поставить дочь в угол. Отец девочки, Рашид Рифатович, был против угла, но отобрал у нее любимую игрушку. Катя перенесла такое наказание стойко. Судя по ее дрогнувшим губам, она вот-вот должна была расплакаться, но решила все-таки сдержаться. Обняв меня, она тихо сказала на ухо:

– Трыся, они думают, что я буду плакать. Но я назло всем этого делать не буду, потому что дедушка сказал, что когда я вырасту, я стану царицей. А царицы не плачут. Мне в садике воспитательница сказала.

Дед и бабушка и вовсе рукой махнули, мол, подумаешь, горе великое. Те сразу проступок внучки и долго смеялись. Вам, наверное, тоже любопытно, что же такого могла натворить маленькая девочка.

В принципе ничего страшного не произошло, если не считать того, что люди в тот день остались без шашлыка. В какой-то момент на кухне и на крыльце никого не оказалось, чем Катя и воспользовалась. Она взяла со стола кастрюлю с замаринованным и приготовленным к жарке мясом и отнесла его Пальме. Я наблюдал за всем этим происшествием, но что я мог поделать? Не рычать же мне на маленькую девочку. Да я сначала и не понял, куда это она собралась с кастрюлей, потом слышу, как она говорит собаке:

– Пальмушка, я тебе гостинцы принесла. Ты любишь мяско?

– А кто же его не любит? Очень люблю, – отвечает Пальма, – спасибо тебе, Катенька.

Я вмешался в процесс и говорю Пальме:

– Дорогая, как бы тебе не влетело от хозяев!

– Трисон, а я тут при чем? – удивилась Пальма. – У меня ведь принцип простой: дают – бери, бьют – беги!

– А куда тебе бежать-то с цепи? – съехидничал я.

– Куда-куда? – проглатывая очередной кусок мяса, ухмыльнулась собака. – В будку. А ты чего стоишь? Угощайся!

Катя, словно разобрав, что говорит Пальма, махнула мне рукой и тоже предложила:

– Трыся, а ты что, не любишь мяско? Иди, покушай с нами.

– У-у! – ответил я и на всякий случай отошел подальше от собачьего праздничного стола.

Люди обнаружили отсутствие мяса тогда, когда Пальма уже заканчивала свою царскую трапезу. Мясо еще оставалось, но оно все перекочевало в собачью миску. Пальма от греха подальше забилась в конуру, и оттуда еще долго светились два счастливых глаза. Наверное, от сытости.

– Катька, ну кто тебе разрешил трогать мясо? – громко возмущалась мама.

Мама, скорее, возмущалась не из-за того, что дочь отдала мясо собаке, а просто было неловко перед всеми – знаете, как бывает, люди настроились поесть шашлык, а тут такой форс-мажор.

– Мамуля, ну, ведь Пальма тоже хочет кушать, она тоже любит мяско! – доказывала дочь.

– И что теперь? Ты о собаке позаботилась, а о людях забыла? – строго спросила мать.

– Ничего я не забыла, – отвечала Катя. – Люди каждый день мяско едят, а Пальма ни разу не ела. Я же вижу. Мама, это ведь несправедливо!

– Как это не ела? – вмешался подошедший отец. – Мы же каждый раз ей отдаем косточки.

– Косточки? Да? – подбоченилась дочь. – А что же вы их сами не едите? Я спросила у Пальмы, любит она или нет мясо...

– И что она тебе ответила? – язвительно спросил папа.

– Ответила, что очень любит, и я решила с ней поделиться, – Катя гордо подняла голову.

– Прямо так и сказала? – видно было, что отец еле сдерживает смех.

– Ну, что ты тут с ней хиханьки-хаханьки разводишь? – возмутилась мама, обращаясь к мужу. За такие поступки нужно ребенка наказывать. Отправляй ее в угол.

– Да ладно, мать, – махнул рукой отец, – какой угол? Пусть идет в комнату и там посидит, подумает.

Катя, прихватив с собой плюшевого медведя, молча направилась в дом. Отец грустно произнес:

– Медведя оставь. Посиди в комнате без игрушек.

Катя, к удивлению взрослых, не стала вредничать, гордо протянула отцу игрушку и исчезла за дверью. Я последовал за нею. Долго крепилась девчонка, но все же в конце концов, видимо, детское сердце не выдержало, и девочка расплакалась. Я прижался к ней и слизнул со щеки солоноватую слезинку.

– Фу, Трыся! – улыбнулась Катя и, вытерев щеку, обняла меня и звонко чмокнула в нос.

– Ав-ав! – одобрительно сказал я.

– Это у меня случайно слезы выкатились, – шмыгая носом, заявила девчонка. – Никому не говори. Хорошо?

– Ав! – ответил я, что означало «железно». И впрямь, не болтун же я какой-нибудь.

– Жаль, Трыся, что ты мяса не поел! – вздохнула девчонка.

– У-у! – проскулил я.

В комнату к нам проник Симка.

– У Пальмы сегодня прямо праздник живота, – промурлыкал кот. – И я полакомился, кусочек спер. Вкуснятина!

– Скажи Кате спасибо, воришка, – съязвил я, – если бы не она, было б тебе мясо.

Сименс подошел к девочке и потерся о ее ногу. Катя погладила Симку и, подняв кота с пола, усадила его рядом с собой на кровать.

– Что там народ? Успокоился? – спросил я.

– Все еще обсуждают, – мяукнул Симка. – Но уже посмеиваются, хозяйка колбасы им нарезала. Да овощи с фруктами на стол выставила. Тоже неплохо!

– Согласен, – кивнул я. – Говорят, людям много мяса есть нельзя.

– Точно, – подтвердил Сименс, – здоровее будут. Лучше бы нам каждый день его отдавали, мне этот сухой корм уже поперек горла стоит.

– А я привык, – возразил я. – От куска мяса не откажусь, но сухой корм все-таки удобен.

– Удобен для людей, – недовольно мяукнул Симка и гордо добавил: – Но не для меня...

– Это тебе так кажется, – возразил я.

– Ничего не кажется, – фыркнул Сименс. – Если тебе нравится, это еще не значит, что нравится всем. А я бы каждый день мясо ел.

– Так тоже надоест, если каждый день, – попытался я переубедить нашего «хищника».

– Чтобы так утверждать, – насупился кот, – нужно сначала попробовать.

– Тоже верно, – согласился я. Да и сложно не согласиться с таким аргументом. Симке редко перепало мясо, потому он, наверное, такой и самоуверенный в вопросе своего меню.

В этот момент в комнату заглянула мама Кати. Увидев на кровати кота, она от удивления открыла рот и громко крикнула:

– Брысь с кровати! Екатерина, сколько раз тебе говорить, коту нечего делать на постели.

Это ведь не домашний кот, он бродит везде по улице, еще заразу какую-нибудь принесет...

Сименс не стал испытывать судьбу, спрыгнул на пол и исчез под кроватью.

– Пошли кушать! – предложила мама дочери.
– Я не хочу, – ответила Катя, не глядя на маму.
– Будешь теперь мне свои капризы показывать? – строго спросила мать.
– Ничего я не показываю, – буркнула дочь. – Просто не хочу кушать.
– А ты через «не хочу», – возразила Роза Андреевна, – пойдем, давно уже время обедать.

Мама села на кровать рядом с дочерью и обняла ее.

– Ну, чего ты, Катя, обиделась, что ли? – ласково спросила она и, погладив девочку по голове, прижала дочь к себе. – Не обижайся, давай мириться.

Катерина в последний раз шмыгнула носом и, обняв маму, протянула ей мизинец.

– Мирись, мирись и больше не дерись, – произнесли они хором, – а будешь драться, я буду кусаться.

Через мгновение в комнате раздался детский смех, и все снова наладилось. Люди забыли о несъеденном мясе. Отец вернул дочери медведя, бабушка что-то нашептывала внучке, у порога на крыльце девочку встречал кролик Кузя. И даже сорока-воровка прилетела по такому случаю – усевшись на заборе, внимательно наблюдала за происходящим.

Катя сходила к калитке, провела Пальму, та встретила девочку танцем на задних лапах. Они обнялись и несколько секунд танцевали вместе. Как жаль, что собака не может говорить человеческим языком. Но, пользуясь случаем, переведу то, что хотела сказать Пальма, вернее, она сказала, на нашем, собачьем языке: «Катюша, миленькая. Спасибо тебе за угощение и прости, если тебе пришлось за меня пострадать! Ты очень хорошая и добрая девочка!»

В тот вечер я долго не мог уснуть. После того как разъехались гости, я лежал на своем коврик и рассуждал о добре и зле. Конечно, мои мысли могут существенно отличаться от человеческих, но я ведь живу среди людей, вижу со стороны, что происходит. Вот недавно ехали с Андреем Максимовичем в электричке. Лавки через две-три от нас рядом с бабушкой сидит карапуз, наверное, Катькин ровесник. У карапуза в руке то ли пирожок, то ли беляш. Рядом с ними сидит старичок, клюет носом, просыпаясь лишь во время объявлений остановок. Поднимет голову, руку приставит к уху, наверное, чтобы лучше слышать, и дальше спит. А у его ног лежит собака непонятной породы. Учув запах вкусенького, собака приподняла голову, внимательно посмотрела по сторонам и уставилась на мальчугана, вернее, на его руку с пирогом. Тот, в свою очередь, заметив неподдельный интерес собаки к продукту, как мне показалось, стал нарочно ее дразнить. Бабушка несколько раз одернула внука, но потом уставилась в окно и перестала обращать на него внимание. Пацан несколько раз провел прямо у морды собаки пирожком и весело смеялся, когда та носом вела за его рукой. Мальчику, видимо, так понравилась незамысловатая игра в официанта, что он слез с сиденья, сел на корточки напротив собаки и начал тыкать ей в морду пирожком. Я как-то рассказывал вам историю о том, что, еще будучи молодым поводырем, едва не сорвался и не схватил кусок курицы, когда мне кто-то поднес его прямо к носу на светофоре перед пешеходным переходом. Так я прошел специальную подготовку, нас учили этому долгое время, какие только эксперименты и опыты над нами не ставили. А тут простая дворняга! Что ей оставалось делать? Вы, наверное, уже догадались – собака хват пирожок и под лавку.

Какой тут рев поднялся! Мало того что пацан начал громко плакать, так он еще и несколько раз пнул ногой собаку. Знаете, что меня тогда удивило? Мальчик пинает ногой собаку, а бабушка даже не сделала ему замечание. Наоборот, начала кричать на старика, который спросонок ничего не понял. Он заглянул под лавку, а там его родная собака. Никакого пирожка уже и в помине не было. Она проглотила его словно таблетку аспирина. Старик спрашивает:

– Что за шум? Что случилось? Мальчик, зачем ты пинаешь мою собаку?

Люди склонны к преувеличению. Бабушка, несмотря на то что не видела, как все произошло, начала вдруг предъявлять претензии пожилому пассажиру:

– Ваша собака напугала ребенка! Она прыгнула на него и выхватила из рук пирожок!

– Такого быть не может, – усомнился старик.

– Ага, – закатила глаза старушка. – «Быть не может», взгляните на ребенка. На нем лица нет. Зачем вы возите собаку в электричке? Она опасна.

– Да я десять лет с ней езжу, – оправдывался старик, – и никогда не было никаких недоразумений.

Тут с соседней лавочки, видимо, не выдержав поклепа на собаку, вступила в разговор женщина:

– Мальчик сам сунул ей пирожок в морду. Я все видела.

– А вы кто такая? Наверное, его родственница? – бабушка кивнула в сторону старика. – Что вы говорите какие-то глупости? «Сам сунул»!

– При чем тут «родственники»? – опешила женщина.

– А зачем защищаете собаку? – недоумевала бабушка.

– Да затем, что смотреть за своими детьми нужно, а не в окно пялиться! – раздраженно ответила женщина.

– Вы за своими смотрите! – парировала старушка. – А мы разберемся.

Старик не стал спорить с бабушкой, не стал оправдываться, что-то кому-то доказывать. История закончилась тем, что он встал и ушел вместе с собакой в тамбур.

Женщины еще немного попрепирались и прекратили пустой спор.

Но к чему я вспомнил эту историю. Как вы думаете, кто вырастет из этого мальчика? Нет-нет-нет! Я не настаиваю, что обязательно негодяй. Но смотрите, что произошло. Первое, бабушка даже не сделала замечания внуку за то, что тот пинал собаку. Это недопустимо. Сегодня он пинает собаку, а завтра пнет и человека. По-моему, это настолько очевидно, что даже не подлежит обсуждению. А второй отрицательный урок – мальчик наверняка уяснил, что, даже если ты не прав, можно утверждать обратное. Вот это еще опаснее.

Так я весь вечер провел в сомнениях: стоило ли даже так мягко наказывать Катьку или нет? Может, лучше было бы ее сначала похвалить за то, что она проявила заботу о собаке, а потом как-то спокойно объяснить, что гости собрались на шашлык и что нельзя решать проблемы одних (в нашем случае одной Пальмы), создавая проблемы другим. Даже не знаю, как правильно! Ладно, не буду ломать голову. Люди сами разберутся.

Глава 5

У меня новое место жительства. Временное, правда, – Андрея Максимовича положили в больницу, и я переехал жить к Розе Андреевне. Давненько я в квартире не жил. В частном доме, конечно, лучше – ходи себе по двору, дыши свежим воздухом. А тут выведут на прогулку утром и вечером, а все остальное время валяешься на своем коврик. В семье Вильдановых животных никаких нет, то есть я тут первопроходец. Как я понял, меня взяли сюда из-за Кати. Чтобы она по вечерам не скучала.

Боже мой, как я понимаю нашего бедного Кузю! Не девочка, а какой-то естествоиспытатель. Прожил я тут недолго, может, от силы две-три недели, но такое чувство, что не менее года.

В первый же вечер Екатерина, возвратившись из детского сада, провела тщательный осмотр подопечного. Ну, вы же понимаете, что теперь подопечный – это я. Девочка объявила, что с сегодняшнего дня я ее сынок, а она будет тщательно следить за моим здоровьем и приучать меня к гигиене. Ей сразу не понравилось состояние моих когтей. Катерина, разумеется, называла их ногтями. Она привела меня в ванную комнату, поставила передо мной таз с теплой водой и принялась чистить мои «ногти».

– Что ты делаешь? – удивленно спросила мама, заглянув в ванную.

– Мама, у Трыси страшные ногти, их нужно почистить. И вот смотри, – она растопырила мои когти и приподняла лапу, – видишь? Он ходит с невымытыми ногами.

– Делать тебе нечего, – усмехнулась мама, – может, еще кроссовки ему купить?

«Ой, Роза Андреевна, прошу тебя, ты так не шути. Дошутишься на свою голову, придется обувку мне покупать...»

– Ему надо четыре кроссовки покупать, – тут же согласилась Катя и спросила: – Мама, а разве есть кроссовки для собак?

– Да я пошутила, – рассмеялась мама. – Еще не хватало нам собаке кроссовки покупать.

– Никакая это не шутка, – завелась Катя. – У нас в соседнем подъезде пудель живет, так он гуляет в таких оранжевых тапочках с беленькими шнурочками. Тетя Даша говорит, чтобы лапки у него не болели. Нужно и Трысе такие тапки купить...

– Этой породе тапки не нужны, – вздохнула мама, видимо, уже и сама не рада, что затеяла такой разговор.

– Это еще почему? – удивилась Катя.

– Катя, – нахмурилась мама, – ну, ты шуток, что ли, не понимаешь? Прекрати. Сто лет ходил твой Трыся без тапок и еще сто лет проходит.

– Мама, ты что? – рассмеялась дочь. – Собаки столько не живут.

– Ладно, – махнула рукой Роза Андреевна, – почистите ногти, уберите тут за собой.

«Хм! Это ж надо такое сказать: «Уберите». Интересно, как я должен это делать? Со шваброй бегать по ванной, что ли? Да и не я все это затеял. Это Кате не понравилось состояние моих ногтей, то есть когтей. Тьфу ты, запутался я совсем...»

Не успели мы закончить водные процедуры, как пришел с работы глава семейства Рашид Рифатович.

– Трисон, – окликнул он меня прямо с порога, – пойдем гулять!

– Да погоди ты гулять, – остановила Роза Андреевна, – Катька ему ногти в ванной чистит.

Отец отворил дверь и покачал головой. По выражению его лица я думал, что он сейчас делает дочери выговор. Но, к моему удивлению, он погладил девчонку по голове и похвалил ее:

– Молодец, доча, умница. За животными нужно ухаживать. Как один умный человек говорил: мы в ответе за тех, кого приручили. Как закончишь, свистни мне, пойду погуляю с Трисоном.

– Папа, – нахмутив брови, сказала Катя, – сколько раз тебе говорить, я не умею свистеть.

– Так научись, – ехидно сказал отец.

– Пашка в садике меня учил-учил, учил-учил...

– И не научил? – перебил папа.

– Я уже почти свистнула, но Антонина Семеновна сказала, что девочкам свистеть нельзя.

– Это еще почему? – наигранно удивился папа.

– Антонина Семеновна говорит, что это неприлично.

– Ну, хорошо, – улыбнулся Рашид Рифатович, – раз Антонина Семеновна сказала, значит, так оно и есть. Тогда шепни мне на ушко.

– Хорошо, нам осталось еще два ногтя почистить, – объявила Катя. – Скоро шепну.

Тут вмешалась в разговор мама:

– Двойную работу делаешь? Пусть бы сначала папа погулял, а потом бы уже ногти чистила.

– Не волнуйся, мамочка, – заявила дочь, – я и после прогулки почищу.

«Чувствую, сделаю тут из меня эталон ухоженной собаки. Что завтра еще придумает на мою голову Катерина?»

Я задавал вопрос чисто риторически, можно даже сказать, шутя. Но я и представить не мог, что наша принцесса придумает в следующий раз.

Хоть плачь, хоть смейся. Родители ушли в магазин, а нас с Катериной оставили в квартире. Вы представляете мое состояние, когда девочка вдруг объявила:

– Трыся, я вот смотрю на тебя и думаю: тебя нужно подстричь. Какой-то ты лохматый.

«Это я лохматый? Где ты, Катенька, лохматых лабрадоров видела? Тоже мне, нашла сенбернара...»

– У-у! – взмолился я.

– Никаких «у-у», – строго ответил мой стилист. – Сиди смирно, я пойду, поищу машинку. У нас есть такая машиночка, – девочка изобразила прибор с помощью растопыренных пальцев, – мама ею папе височки ровняет, чтобы он красивый на работу ходил. Понимаешь?

– У-у! – повторил я. А что я еще мог в данной ситуации сказать?

Катя очень быстро нашла машинку, но она, на мое счастье, не работала.

– Не повезло тебе, Трыся, – грустно сказала Катерина, – не работает машинка. Наверное, сломалась. Ну, ты сильно не переживай, – успокаивала она меня, – сейчас придет папа, он все починит. Ты знаешь, у нас папа все может чинить. Недавно даже мамин утюг починил. Не веришь?

У-у! – ответил я, что означало – ну почему не верю? Верю, конечно.

«Ты, моя родная Катя, еще не совсем разбираешься в вопросах «повезло-не повезло». Это как раз тот случай, когда мне, наоборот, повезло несказанно. Представляю, какое чучело могло выйти из-под руки новоявленного парикмахера. Вот тут бы точно меня можно было назвать и Трысей, и Трусоном, и даже Трюфелем. Главное теперь, чтобы родители не пошли на поводу у девочки. Настораживало то, что папа все позволяет своей любимице. Надеюсь, хоть в этот раз он поймет, что это уже лишнее. Чего только со мной не случилось в этой жизни. Но чтобы стригли – это... это... даже слово не могу подобрать».

– Трысь, а ты конфеты любишь? – отказавшись от своей парикмахерской затеи, неожиданно спросила Катя.

– Ав! – киваю я. Лучше уж конфетами полакомиться, чем чубчики на лбу выстригать.
– Сейчас я тебя угощу, – пообещала Катя и исчезла в кухне.

Через минуту она появилась с пакетом в руках. Вынула из него конфету, ловко развернула ее и сунула мне в рот – я и опомниться не успел. Что делать, принялся жевать. Что это за конфета такая? Прилипла к зубам, я еле разомкнул челюсть. Катя, наблюдая за моей мимикой, начала громко хохотать.

– Вкусно? – спросила она спустя какое-то время. – Это мои любимые ириски. Они такие липучие.

«Да уж понял, – сопел я, – с такими конфетами и зубы потерять можно...»

– На, вот эту скушай! – Катя протянула мне какой-то белый шарик. – Это тоже очень вкусная конфета, там у нее внутри сгущенка. Ешь смелее, – приказала девочка, видя мое замешательство.

«Эх, Катя-Катя, спасибо тебе, конечно, но все мои инструкторы и подопечные говорили, что нельзя мне есть много конфет...»

– Ты кушай, Трыся, не стесняйся, – продолжала Катя, – у нас конфет много. На всех хватит.

Если бы вы знали, как я обрадовался, когда услышал щелчок замка на входной двери. Вильдановы-старшие вовремя вернулись. Затея с салоном красоты для лабрадора им тоже не понравилась, отец строго-настрого запретил дочери проводить на мне подобные эксперименты. Вот теперь мне точно повезло! Иначе ходить бы мне стриженной собакой. Умер бы со стыда.

Однажды, проводив родителей за дверь, Катя заговорщицки сказала мне:

– Трысь, давай построим шалаш. Ты мне поможешь?

Вы знаете, в этот раз я промолчал, потому как просто не знал, что нужно в таких случаях отвечать. Что за шалаш собралась строить юная архитекторша? Катя тем временем начала городить каркас из стульев и кухонных табуреток. Затем приволокла из спальни плед и начала заниматься кровлей своего сооружения. И где она этому научилась? И тут, словно услышав мои мысли, Катя пояснила:

– Мы такой шалаш строили у Маринки, когда я у них была в гостях. Нам ее папа помогал. Но я все запомнила. Вот смотри, – Катерина накрыла пледом стулья, стоявшие у стены, и пошла в спальню за простыней. Как только работа была закончена, она забралась внутрь сооружения и позвала меня.

Я вошел в так называемый шалаш, и вы знаете, мне там даже понравилось. Правда, лишним в нем был фонарь, который Катя сначала пыталась прикрепить под куполом, но затем после неудавшихся попыток разместила его в углу сооружения.

– Классно, Трыся? – спросила Катя и радостно захлопала в ладоши.

– Ав-ав! – согласился я, правда, с опаской думая о том, как эту идею воспримут родители девочки, которые вот-вот должны были вернуться домой. Они никогда надолго не оставляли дочь одну дома, даже несмотря на то, что я находился рядом с ней.

Вообще-то, честно говоря, я и со мной не оставлял бы ее даже на пять-десять минут. Мне кажется, это очень опасно. Некоторые родители думают, что, оставляя дома ребенка с собакой, они ничем не рискуют. Рискуют, и еще как! Судите сами.

Ребенок может что-то натворить и с газовой плитой, и разбить стеклянную посуду, повредить что-то себе, а «Скорую помощь» мы сами не вызовем. В отсутствие взрослых ребенок обязательно найдет ножницы, зажигалку, бутылку с уксусом, упаковки с какими-то опасными таблетками. Иными словами, неожиданностей столько, что я бы не стал рисковать. И, слава богу, родители действительно вскоре вернулись. Никто не стал ругаться, правда, мама все же немного поворчала, а папа, наоборот, сам забрался в Каткин шалаш, чем привел дочку в неопишуемый восторг.

– Папа, а давай будем здесь жить! – тут же предложила дочь.

– Давай, – согласился отец.

– И Трыся с нами!

– Не возражаю!

– Ага, – раздался голос мамы за «стенами» шалаша. – Может, вам туда еще лук и стрелы доставить? Да будете на охоту по утрам ходить?

– Зачем нам лук? – из проема шалаша появилась Катькина голова. Но, как скоро выяснилось, Катя пока знала одно значение слова «лук».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.